

Имперская верхушка всё больше охватывалась паникой, и каждый день звучала критика в адрес князя Цзиньань, сопровождаемая бурными обсуждениями и спорами.

Однако, несмотря на их активность на заседаниях совета, в глубине души они вовсе не были удивлены мятежу князя Цзиньань.

Господин Наньшань был источником всего этого.

Можно сказать, что с того момента, как их император позволил господину Наньшаню действовать, этот день стал неизбежным. Если бы не князь Цзиньань сегодня, то это был бы кто-то другой.

Они не могли обвинять господина Наньшаня, но, критикуя князя Цзиньань, время от времени украдкой наблюдали за ним, пытаясь уловить его реакцию.

Каждый раз в такие моменты они не могли не восхищаться: господин Наньшань действительно был тем, кем был, достигнув такого уровня хладнокровия, что даже перед лицом катастрофы его лицо оставалось невозмутимым. Они не могли уловить ни малейшего намёка на его мысли.

Император же был мрачен, и его гнев был очевиден. Он издал несколько указов, чтобы стабилизировать ситуацию.

Однако в вопросах реформ он не проявлял ни малейшей уступчивости.

Если император не уступал, это означало, что компромисса не будет, и война неизбежна.

С началом мятежа князя Цзиньань страна неизбежно погрузилась в хаос войны.

Сторонники мира среди чиновников не могли не вздыхать, но не из-за князя Цзиньань: мятежники заслуживают смерти. Их печалила лишь участь невинных людей, которые пострадают от войны, и именно это было истинной причиной их стремления к примирению.

Но, судя по всему, войны избежать не удастся.

И, словно беда не приходит одна, хунну с севера отправили свою конницу, чтобы атаковать их страну.

Очевидно, хунну выбрали этот момент, чтобы воспользоваться внутренними беспорядками в стране и получить свою выгоду.

Но как хунну смогли так точно выбрать этот момент — это уже вопрос, требующий глубокого изучения.

Те, кто был допущен в императорский двор, независимо от их личных качеств, не могли быть невеждами, поэтому совпадение времени атаки хунну не оставляло сомнений в скрытых мотивах.

Именно потому, что они могли это понять, после очередного потрясения двор погрузился в гробовую тишину.

Атмосфера при дворе становилась всё более тяжёлой, словно давя на всех, лишая возможности дышать.

Почти все уже были уверены, что это начало настоящего хаоса в стране.

Более того, существовал риск падения династии.

Как подданные, они не хотели видеть крах династии, не только ради невинных страдающих людей, но и ради самих себя.

Как говорится, с каждым новым императором приходят новые подданные, и если династия сменится, куда они денутся?

Они также не знали, разделяют ли их коллеги те же убеждения.

Сколько из них уже тайно перешли на сторону мятежников?

Знают ли они о нападении хунну?

Так или иначе, эта подозрительность уже укоренилась в их сердцах.

К их удивлению, их император, прежде мрачный, узнав о нападении хунну, вдруг стал необъяснимо спокоен, словно его гнев предыдущих дней был лишь иллюзией, а мятеж князя Цзиньань и нападение хунну не были чем-то значительным.

Но если это не было значительным, то что же тогда было?

Они могли лишь предположить, что их император был настолько разгневан, что не знал, как выразить свой гнев.

Двор погрузился в тишину, и, прежде чем чиновники успели высказаться, Чжао Юйсин первым заговорил. По его команде «Входите!» множество стражников в железных доспехах, вооружённых копьями, ворвалось в зал заседаний. Пока чиновники были в замешательстве, по приказу императора «Схватить!» стража немедленно бросилась на них, подавила сопротивление, сорвала их головные уборы и, несмотря на их крики, вывела в центр зала, где оказались и высокопоставленные чиновники.

Чжао Юйсин с силой бросил на пол доказательства их связи с мятежниками, обвинив их в государственной измене, после чего стража вывела кричащих о своей невинности чиновников из зала.

Когда стража покинула зал, крики уводимых чиновников постепенно затихли.

Те, кто остался в зале, стояли с опущенными головами, не смея заступиться за своих коллег.

Они не сомневались в подлинности доказательств, представленных императором. За годы службы они изучили его нрав: даже если он наказывал чиновников, он всегда руководствовался фактами и не фальсифицировал доказательства, чтобы обвинить их в несуществующих преступлениях.

Иначе, ещё до реформ, двор бы уже перевернулся, а империя была бы разрушена их же императором.

Поэтому, если их вывели перед всеми чиновниками, значит, они совершили преступление, карающееся казнью всего рода.

Наверняка по всей стране в этот же момент были арестованы и другие чиновники.

Единственное, что озадачивало их как подданных, — откуда у их прежних коллег была

уверенность, что, связываясь с мятежниками, они смогут избежать всевидящего ока императорской разведки?

Не в силах найти ответ, они могли лишь списать на человеческую самоуверенность, полагая, что их действия были скрыты, хотя на самом деле они уже давно находились под наблюдением императора...

Эта мысль, словно гром, ударила по ним, заставив задержать дыхание. Взгляды, которыми они обменялись, выдавали их потрясение.

Чжао Юйсин не дал им времени на размышления. После разоблачения чиновников, связанных с мятежниками, он приступил к следующему важному делу.

Увольнение стольких чиновников, включая занимавших ключевые посты, неизбежно привело бы к потрясению и даже параличу управления.

Чтобы решить эту проблему, необходимо было заполнить освободившиеся должности.

Затем те, кто ещё оставался в зале, чьи умы ещё не оправились от потрясения, услышали, как евнух рядом с императором зачитывал одно за другим имена, знакомые, но одновременно чужие...

Посмотрев на людей, стоящих в центре зала, чьи имена были названы, они вспомнили, что это были чиновники из различных министерств.

Именно эти ранее незаметные чиновники теперь стояли на коленях перед тронном, принимая указы и выражая благодарность.

Глядя на их спокойные лица, не выражавшие ни удивления, ни радости, несмотря на повышение, их разум заполнился множеством мыслей. Прежде чем они успели разобраться в них, леденящий холод пробежал по спине, парализуя их мысли.

Если всё, что происходило, было частью плана их императора и господина Наньшаня, это было поистине ужасающе.

Однако факты говорили о том, что всё действительно было под контролем императора.

Через несколько дней с границы пришло сообщение: среди защищавших границу войск молодой генерал вывел армию навстречу врагу и разгромил сильнейшую конницу хунну, уничтожив её у самых стен города. Затем, во главе нескольких тысяч всадников, он преследовал отступающих хунну на сотню ли, ворвался в их лагерь и обезглавил их главнокомандующего.

Эта битва стала полной победой!

Но они не остановились на этом. Перегруппировав силы, генерал повёл почти десять тысяч солдат на север, приближаясь к основному лагерю хунну, словно намереваясь полностью уничтожить противника.

Хунну, известные своей воинственностью, не могли стерпеть такого вызова. Один из их прославленных воинов повёл армию навстречу врагу, но этот генерал не только был невероятно храбр, но и был искусным тактиком. Применяя разнообразные хитроумные тактические построения, он снова разгромил хунну, привыкших побеждать силой.

После нескольких сражений их уверенность в победе, казалось, исчезла вместе с поражениями, вынудив их отступать всё дальше. Даже среди хунну, гордившихся своей храбростью и готовых умереть в бою, впервые появился страх перед одним человеком.

Даже их вождь жил в постоянном страхе, не мог спокойно спать, боясь, что этот человек внезапно появится в его шатре и отрубит ему голову.

<http://bllate.org/book/16138/1446763>